

Темные деньги

Автор самого скандального финансового разоблачения о мире крупных финансов

Брэдли Биркенфельд — тот самый человек, который первым раскрыл всю подноготную «черного» швейцарского банковского бизнеса. Показания Брэдли Биркенфельда привели к широкомасштабному расследованию деятельности швейцарского банка UBS и других банков, которые способствовали сокрытию от американского правительства огромных сумм налогов.

Благодаря Биркенфельду казначейство США смогло вернуть в страну более \$12 млрд в виде налогов, штрафов и прочих санкций, наложенных на американских налоговых мошенников, но сам он, как бывший сотрудник банка UBS, был осужден на 40 месяцев тюремного заключения, из которых отбыл 31 месяц. Спустя месяц после выхода на свободу Биркенфельд получил заслуженную награду от американского налогового ведомства — \$104 млн.

Биркенфельд написал книгу, в которой от первого лица рассказывает историю великого разоблачения. В издательстве «Альпина Паблишер» книга финансового разоблачителя вышла на русском языке под названием «Игра Люцифера». В этом номере приводим несколько отрывков из

Брэдли Биркенфельд

книги, по которым можно понять, как работают финансовые институты, а также как финансовые махинации всплывают наружу. Но главное, что все описывает от первого лица непосредственный участник огромных махинаций.

ШКОЛА ФИНАНСОВ И БАНКИРЫ СТАРОЙ ЗАКАЛКИ

Когда в 1987 году Лопардо пришел в State Street, под управлением компании находились активы на сумму 18 миллиардов долларов. А когда он по-

кидал контору в 2001 году, эта сумма выросла до 700 с лишним миллиардов. Мы все им восхищались и хотели быть как он. Он был лоялен к своим сотрудникам. Он защищал их, как доберман, но при этом был чертовски требователен к ним. Ник Лопардо не брал пленных. С ним нужно было вести себя осторожно. Каждый раз, когда он восклицал: «Так, люди, пора кого-то замочить!» — это могло означать как предстоящую схватку с компанией-конкурентом, так и желание придушить какого-то придурка на манер того, как это делал Аль Капоне. Ник Лопардо задавал ритм, а мы все под него танцевали.

State Street Bank and Trust Company оказалась моей первой пристанью в путешествии по миру больших финансов. Конечно, я занимался этой работой и раньше — летом между семестрами в колледже, — однако чаще всего я проводил время в подвале с другими молодыми сотрудниками, мечтавшими стать очередными Уорренами Баффеттами. Мы передавали сообщения, обрабатывали кучи бумаг для банкиров, обращались к ним «сэр», приносили сэндвичи и газировку на собрания, посвященные недоступным для нас темам, делали за-

метки во время выступлений, а затем быстро передавали их всем, кому это было нужно. Я часто чувствовал себя мальчиком на побегушках, но мне хорошо платили. Кроме того, в Бостоне было очень жарко. В городе и его окрестностях свыше 70 университетов и колледжей, и девушки, остававшиеся в городе на лето, ограничивались минимумом одежды.

State Street управлял несколькими крупными национальными и международными пенсионными фондами. Благодаря маркетинговому гению Лопардо компания раскидывала свои щупальца во все стороны и захватывала все больше крупных корпоративных счетов. Позвольте вкратце объяснить вам, в чем заключается этот вид банковского бизнеса. Возьмем, к примеру, корпорацию с многомиллиардным оборотом типа General Electric. В крупной компании такого рода имеется особая структура для организации пенсионных выплат. Выплаты начинаются, когда лояльный сотрудник после 25 лет работы собирает свои вещи, получает в подарок золотые часы и отправляется домой ловить рыбу. Пока шел срок работы этого сотрудника, компания размещала небольшую долю своей

прибыли в его пенсионном фонде. Иногда сотрудник переводит туда часть своей зарплаты, чтобы в итоге у него оказалось больше денег на лодку и весла.

В компании типа GE работают тысячи сотрудников, поэтому ее пенсионный фонд огромен — он составляет миллиарды долларов. Но вы же не хотите, чтобы все эти деньги лежали просто так или приносили вам паршивые три процента годовых, как в розничных банках. Вы инвестируете деньги — обычно в инструменты, приносящие большой доход, типа акций и облигаций. И тут на сцене появляется State Street, принимает на себя управление пенсионным фондом GE и зарабатывает намного больше денег для всех участников. Понятно, что при этом State забирает себе определенную долю за услуги по организации сделок и управлению ими. Именно таким бизнесом мы и занимались. И именно так я в возрасте 23 лет начал работать на международных финансовых менеджеров, сотрудников Ника Лопардо, имевших впечатляющие резюме с аббревиатурами MBA и CFA11 после своих имен. Я находился на низшей ступени иерархии, но именно так обучают всех новичков.

БОРЬБА С ТИТАНАМИ

State Street предложил мне в качестве компенсации годовую зарплату в обмен на подписание документа о неразглашении информации. Я порекомендовал им отвалить и нанял адвоката. Затем мы собрали полное досье обо всех грязных делишках банка и отправили его председателю правления Маршаллу Н. Картеру. В сопроводительном письме, написанном моим адвокатом, говорилось: «Мистер Биркенфельд рассмотрит предложение о компенсации в размере 500 000 долларов, поскольку действия State Street разрушили его карьеру». Однако Маршалл

отличные друзья в банке, невероятно расстроенные моим увольнением, и время от времени они негласно делились со мной информацией.

Банк планировал провести ежегодное и очень пафосное собрание акционеров в огромном зале в штаб-квартире State Street. Я все еще был законным акционером компании, поэтому решил воспользоваться своими правами. Это обещало быть очень милым мероприятием с присутствием более 250 акционеров и представителей прессы. Маршалл Н. Картер правил бал. На мероприятии присутствовали и Ник

но мой адвокат представил детальную информацию о бухгалтерских нарушениях, совершенных руководителями SSgA, и их незаконных действиях. Могли бы вы сообщить нам о том, что вы сделали для выяснения этой ситуации и наказания виновных? Также я хотел бы знать, почему правление отказалось ответить на множество моих заявлений, связанных с откровенно незаконными действиями банка и нарушениями законодательства США.

Бум! На меня тут же уставилось 250 пар выпученных глаз: «Что это за парень?» Лицо Картера покраснело, а распорядитель мероприятия вскочил и закричал:

— Дамы и господа, на сегодня собрание закончено. В соседней комнате для вас приготовлены пончики и кофе.

Что ж, я люблю пончики и кофе не меньше, чем все остальные. Стоит ли говорить, что на этой вечеринке все от меня шарахались, как от прокаженного? Все, кроме журналистов. Меня окружили репортеры, а я улыбался им и собирал их визитные карточки.

— Благодарю вас за внимание, — сказал я. — Вы обо мне еще услышите.

Однако этого так и не случилось. Дело происходило утром 19 апреля

В компании работают тысячи сотрудников, поэтому ее пенсионный фонд огромен — он составляет миллиарды долларов; но вы же не хотите, чтобы все эти деньги лежали просто так или приносили вам три процента годовых, как в розничных банках

Н. Картер посчитал, что сможет перехитрить молодого и наглого банкира, и отверг наше предложение. Но я еще не закончил со State Street. Они сломали мой меч и навесили на меня ярлык персоны нон грата, однако у меня все еще оставались

Лопардо, и остальные гуру. Я просидел там около часа, позволил им поговорить о смелости и успехах руководства State Street, а затем встал и задал свой вопрос.

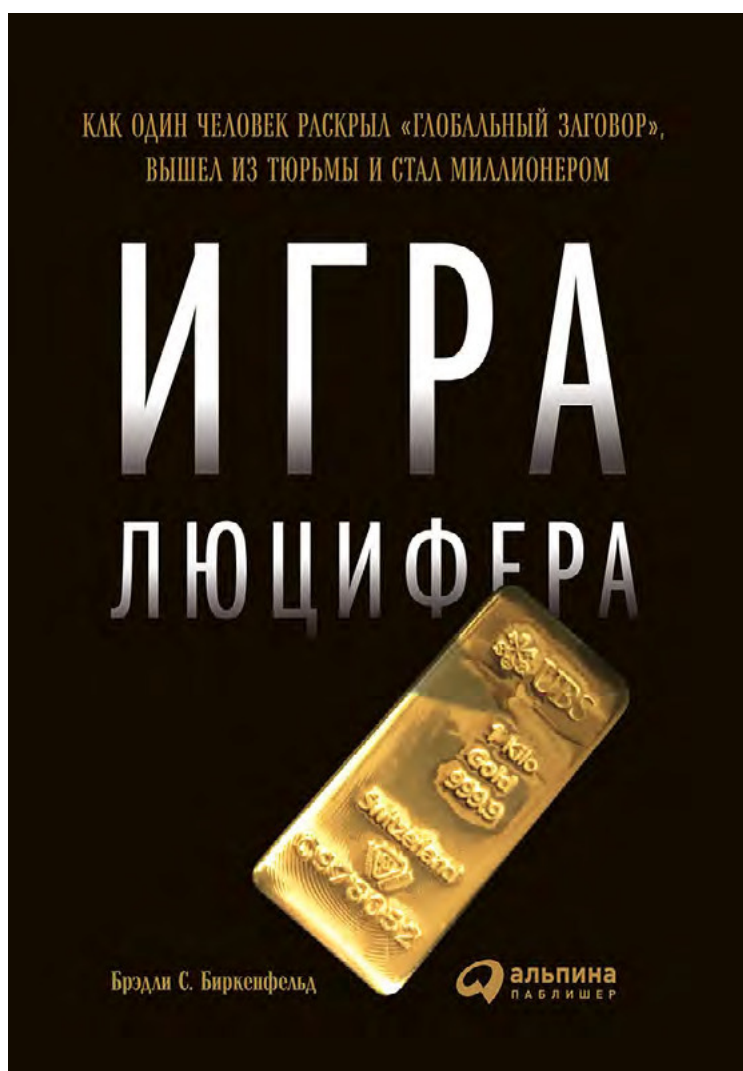
— Мистер председатель, я акционер и бывший сотрудник SSgA. Не так дав-

1995 года, и в этот самый момент Тимоти Маквей взорвал федеральное здание имени Альфреда П. Марра в Оклахома-Сити. Было понятно, что история молодого банкира, сражавшегося с мельницами наподобие Дон-Кихота, была куда менее интересной новостью. Тем не менее в новости все же попал последний удар, который я нанес в сердце State Street через пару месяцев.

Против State Street подала иск его сотрудница Лайза Цуй (мой первый босс), обвинившая работодателя в несправедливых и пристрастных действиях. Сначала она ушла в декретный отпуск с разрешения Ника Лопардо, а затем, после ее возвращения, он понизил ее в должности, заявив о том, что прежняя должность уже занята другим сотрудником! Это расстроило меня, поскольку в то время он мне еще нравился, однако я понимал, что он несет ответственность за мое фиаско, ведь Ник должен был дать пинка этим ковбоям. Сам Ник ушел в отставку в 2001 году, вскоре после того как поссорился со своим руководством — те не разрешили Рэю Бурке, герою из команды Bruins, прилететь на корпоративном самолете в Бостон из Колорадо с победным Кубком Стэнли.

В общем, Лопардо вызвали в суд на дачу показаний по иску Лайзы о дискриминации. Кто-то достал для меня копию его повестки, и я распечатал 500 копий на толстой бумаге розового цвета. Затем я нанял двух клоунов в оранжевых париках, балахонах в крупный горошек, с красными накладными носами и в огромных ботинках. Приятным летним днем они появились перед штаб-квартирой State Street и принялись раздавать копии повестки, врученной

Лопардо, — в самом центре финансового района и в обеденный перерыв, когда все сотрудники вышли на улицу. Местные новостные станции говорили об этом весь день. Кто же не любит клоунов?

Конечно, все это было не больше чем детские шалости. Это не могло заставить State Street прекратить обманывать своих клиентов и плевать на закон. Поэтому пришло время бросить в их бункер последнюю гранату. Тем же летом я пришел в

офис ФБР с пачкой документов. С одной стороны, агенты выглядели вежливыми, заботливыми и заинтересованными. С другой стороны, они не скрывали своего скепсиса. В конце концов я был всего лишь 29-летним безработным банкиром, который рассказывал им о том, что одно из старейших и крупнейших финансовых учреждений Бостона занималось, по сути, незаконными мошенническими действиями. Но я знал свое дело, и по итогам шести отдельных встреч агенты начали все чаще кивать в ответ на мои слова и удив-

терроризма, «следуя за деньгами», как говорит старая избитая поговорка. Мохаммед Атта и его подельники по терактам 11 сентября купили свои мобильные телефоны в Женеве. Кроме того, у них было около полумиллиона долларов наличными, так что для ФБР, ЦРУ, Министерства юстиции и налоговой службы было вполне логично заняться вынюхиванием информации в Швейцарии. Они тщательно изучали детали банковских переводов, сделки по кредитным картам, состояние офшорных счетов и контракты.

они притворялись, что ничего не замечают. Но что касается всех остальных, игра шла по одним и тем же правилам: «Похоже, что эти деньги перевел конгрессмен такой-то, и его лучше оставить в покое. А вот этот перевод сделал богач, который торгует плюшевыми мишками, давайте-ка его тряхнем!» Мои клиенты были ближе к категории торговцев плюшевыми мишками, так что им было о чем беспокоиться.

Международные поездки тоже тщательно контролировались. На типов вроде меня и моих коллег-банкиров, постоянно перемещавшихся между Штатами и Женевой, Лугано и Цюрихом, стали все чаще обращать внимание, не говоря уже о том, что Министерство национальной безопасности и его неуклюжая, непрофессиональная и неумелая служба транспортной безопасности вообще занимались совершенно не теми людьми. Бабулькам и младенцам в аэропортах устраивали личный досмотр, зато какого-нибудь Ахмеда в арафатке и пальцем не могли тронуть, потому что это «исламофобия». И, конечно, они не могли пропустить сомнительно выглядящих швейцарских банкиров, сосящих деньгами.

Многие из моих коллег по UBS проводили необыч-

Акулы из налоговой службы почуяли кровь в воде и яростнее прежнего стали охотиться на преступников, раздавая направо и налево штрафы и тюремные сроки, а Министерство юстиции плелось в хвосте

ленно поднимать брови. Они хотели железных доказательств, и было очевидно, что они у меня есть.

Закон о борьбе с терроризмом в США фактически разрешил разнообразным федеральным бюрократическим агентствам забираться в каждый стол и шкаф. Его официальная цель была — раскрыть всемирную сеть финансирования

Швейцарцы в своейственной им манере отказались от сотрудничества: «Наша репутация основана на доверии!» Это означало, что шпикам пришлось раскинуть самую широкую сеть, в которую попадалась самая разная рыба. Правда, всякий раз, сталкиваясь с политически значимым лицом вроде конгрессмена или серьезного лоббиста,

но много времени на границе, отвечая на вопросы и дожидаясь, пока таможенники обшарят их багаж. Кое-кто утверждал, что в Штатах за ними постоянно ходили хвосты. К кому-то в гостиничных барах подсаживались дружелюбные, приятные на вид, но чересчур любопытные незнакомцы. Лично я никогда не обращал на это особого внимания. Пообщавшись с коррумпированными клоунами из ФБР в Бостоне, я понял, насколько никчемны федералы, и не собирался играть в Бонни и Клайда. Я был резидентом Швейцарии, не нарушал швейцарское законодательство и платил налоги. Однако не поймите меня неправильно — я вел себя достаточно осторожно, просто я не был параноиком.

Однако паранойя все же начала постепенно захватывать головы моих боссов в UBS. Я обнаружил это, когда оказался свидетелем панического разговора между Хансом-Руди Шумахером и Мартином Лихти, старшими «капо» нашего бизнеса в Цюрихе. Поскольку у UBS были сотни отделений в США (возникшие после поглощения банка Paine Webber в 1999 году), Шумахер заметил, что банк становится очень уязвимым перед американским законодательством, и, если бы что-

то пошло не так, мы просто потеряли бы лицензию на банковскую деятельность в стране.

— Послушай, Мартин, — обратился Шумахер к Лихти, — обстановка становится все более опасной. Нам нужно закрыть отдел, обслуживающий американцев, и вывести его за пределы банка в небольшую швейцарскую компанию, которая затем заключит контракт с UBS.

— Закрыть отдел, Ганс? — ошеломленно переспросил Лихти. — Ты рехнулся?

— Да послушай же, Мартин! Твои люди увольняются из банка и становятся независимыми менеджерами, управляющими активами для этой частной компании. Они берут имеющих клиентов, привлекают новых, рекомендуют им работать с UBS и помогают нам в заключении контрактов. Но теперь UBS получит возможность все правдоподобно отрицать. Если к нам обратятся американцы, мы скажем: «Это были не мы! Это все те люди из другой компании!»

Но Лихти на это не согласился. Он не хотел терять свои позиции и влияние.

— Пошел ты, Ганс! Ты хочешь просрать все, что я строил последние 10 лет.

Шумахер вздохнул:

— Что ж, когда-нибудь всех нас за это поймут, и это будет ужасно.

Вскоре после этого разговора Шумахер уволился из UBS и пошел в NZB, швейцарский частный банк-бутик. Мой коллега из Женевы Ханно Хубер и четыре других высших руководителя цюрихского отделения последовали за ним и также поступили на работу в NZB, забрав с собой активы на 1,5 миллиарда швейцарских франков, в том числе деньги Тая Уорнера, производителя знаменитых игрушек Beanie Babies. Именно тогда я принялся думать о том, что все это не может продолжаться вечно. Хубер занимался банковским бизнесом всю свою жизнь, и, раз он принял такое решение, это значит, что мы движемся прямо к обрыву — огромному и крутому, как Ниагарский водопад...

Среди моих коллег, «охотников и собирателей», поползли слухи. Их шутки о будущем становились все более мрачными. Как-то раз к нам в отдел зашел мой швейцарский приятель Жак Леба и произнес с криковой усмешкой:

— Работай больше, Брэдли, работай быстрее. Скорей приноси нам денежки, mon ami! Шалтай-Болтай вот-вот свалится со стены!

— Может, нам стоит завязать со всеми этими

поездками и просто начать печатать деньги? — ответил я. — Уверен, что ребята, работающие с русскими клиентами, наверняка знают какого-нибудь отличного фальшивомонетчика.

можем полностью удовлетворять все финансовые потребности наших клиентов. Как вы знаете, ключевым элементом нашего успеха выступают Новые Деньги. Это значит, что мы все долж-

кого-то в том, что именно оно возглавляет процесс. В ноябре Рауля Вейла, моего бывшего начальника и главу UBS Global Wealth Management, обвинили большим жюри во Флориде в помощи американским нарушителям налогового законодательства и в подстрекательстве к злоупотреблениям. Вейл отмахнулся от обвинений, он был уверен в том, что правительство Швейцарии никогда не экстрадирует его по требованию США. Ведь если Швейцария начнет сдавать своих крупнейших банкиров, в стране не останется никого, чтобы управлять этим «казино». Однако Рауль был высокомерным мерзавцем, и я знал, что рано или поздно его где-то поймут, как поймали Мартина Лихти. Министерство юстиции обязано было подвергнуть его суду.

Марк Брэнсон, финансовый директор UBS, давший показания под присягой перед комитетом Левина и поклявшийся сотрудничать в рамках иска к «Джону Доу», вернулся в Швейцарию и, по всей видимости, забыл о своем обещании. Дуг Шульман, комиссар налоговой службы, все еще был новичком в своей должности, на которую назначают на пять лет, но он точно хотел сохранить свое место. Он не казался

Налоговая служба запустила на полную скорость процесс против UBS в суде Флориды, потребовав оглашения имен 19 000 американцев, владевших секретными счетами, и на этот раз она победила

Жак рассмеялся, однако его слова были всего лишь циничной реакцией на давление сверху, особенно со стороны Мартина Лихти. Наш наиглавнейший босс принялся выпускать меморандумы примерно следующего содержания, адресованные всем частным банкирам, которые работали с клиентами из США: «Уважаемые коллеги, первые пять месяцев этого года были для нашей отрасли очень непростыми. Сложности связаны с общим снижением доверия со стороны инвесторов, военным конфликтом на Ближнем Востоке и постоянно растущим вниманием к нашему бизнесу со стороны регулирующих органов. Однако мы убеждены, что даже в столь сложных условиях мы

ны упорно работать над достижением наших целей в отношении Новых Денег на этот год и на будущее... И я уже предвкушаю, как буду награждать тех из вас, кто добьется этой цели!» Вместо сердечек и поцелуйчиков Лихти поставил в конец меморандума изображением часов Breitling, что, по сути, означало: «Порвите за меня задницу, а я брошу вам вкусную косточку!»

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Акулы из налоговой службы почуяли кровь в воде и яростнее прежнего стали охотиться на преступников, раздавая направо и налево штрафы и тюремные сроки. А Министерство юстиции плелось в хвосте, издавая громкие вопли и пытаясь убедить хоть

особенно крутым, однако первый взгляд бывает обманчив. Довольно быстро налоговая служба запустила на полную скорость процесс против UBS в суде Флориды, потребовав оглашения имен 19 000 американцев, владевших секретными счетами, и на этот раз она победила. Как мы все хорошо знаем, налоговая служба обладает мощной силой. Если крупное финансовое учреждение, с которым она судится, отказывается от сотрудничества, его ждет смертельный удар — у него отзывают лицензию, замораживают счета и каждый день штрафуют на миллионы долларов: фактически его деятельность останавливается. И мои бывшие боссы в офисах UBS в Цюрихе, Женеве и Лугано начали мочиться от страха.

В это время я уже вернулся в Бостон и планировал свои следующие шаги вместе с Дугом. Я внимательно обдумал все произошедшее после того, как впервые обратился к американским властям, и понял, что результаты оказались плачевными. Я начал с визита в Министерство юстиции, а теперь у меня на ноге следящее устройство и я практически под домашним арестом жду вердикта, который с учетом моих прежних не-

удач вполне мог означать тюремный срок. Сенат принял мои свидетельства, использовал их и инициировал масштабное дело против крупнейшего швейцарского банковского заговора в истории. Но ко мне стали относиться как к парии и отправили в чулан, как беременную девочку-подростка в сериале 1950-х годов «Отец знает лучше».

Вас это может удивить, особенно с учетом моего неприятного опыта в State Street Bank, однако я больше не доверял никому в Вашингтоне и чувствовал себя намного спокойнее в Бостоне. Я чувствовал атмосферу прошлых дней, когда власть в Вашингтоне все еще принадлежала британцам в напудренных париках, а Бостон был центром мятежников и их «чаепитий». Мне больше не нужно было мотаться в столицу, выпрашивать внимания к себе и доверять свою судьбу бездарностям. Я уволил Пола Гектора и Рика Морана. Это нужно было сделать намного раньше. Тщательные поиски привели меня в уважаемую бостонскую фирму Todd & Weld, LLP, и я нанял одного из самых опытных ее юристов, Дэвида Майера. В прошлом Майер 12 лет проработал главой убойного отдела в офисе генерального про-

курора в округе Суффолк и имел репутацию отличного защитника несправедливо обвиненных. В 2007 году он получил титул «Юрист года» от издания Massachusetts Lawyers Weekly.

Этот человек показался мне опытным, закаленным бойцом, полным энтузиазма и никак не связанным с чиновниками из федерального правительства, типичным жителем Бостона, не запятанным дружбой с людьми из Вашингтона. Он связался с Министерством юстиции и проинформировал их, что теперь он представляет мои интересы. На это Кевин Даунинг ответил с присущей ему вежливостью: «А ты кто такой, черт побери?» Даунингу не понравилось то, что я уволил Гектора и Морана, которых он мог контролировать, и нанял какого-то адвоката в Бостоне, которого он не мог бы вызывать в Министерство юстиции и вытирать об него ноги, когда только ему заблагорассудится. Майер проигнорировал недовольство Даунинга и потребовал от него подтвердить дату моего слушания во Флориде.

*Редакция выражает
благодарность за помощь
в подготовке материала
издательству
«Альпина Паблицер»*

